

Фото: Tom Hill, Unsplash

03.04.2020, 15:52 Другое

СТАТЬИ

«Машина едет, ломает судьбы»: истории людей, которые покинули Россию из-за преследований

Многие активисты вынуждены уезжать из России из-за преследований со стороны государства. ОВД-Инфо поговорил с людьми, которые покинули Россию в разные периоды — о переезде, сложностях интеграции и о том, как изменилась их жизнь.

АЙДАР ГУБАЙДУЛИН

Фигурант *«московского дела»*. Был задержан в связи с акцией за честные выборы, которая прошла 27 июля. Обвинен в насилии к полицейскому — за брошенную пластиковую бутылку в сторону силовика. 40 дней провел

в ИВС и СИЗО. 18 сентября был отпущен под подписку о невыезде. Дело при этом не прекратили.

Айдар Губайдулин / Фото: RFE/RL

Мой опыт посещения митингов ранее был безопасным. Всегда контролировал ситуацию, наблюдал за приближением космонавтов (сотрудников ОМОН — *ОВД-Инфо*), меня никогда не задерживали. Но 27 июля я поддался эмоциям и бросил бутылку. Потому что смотреть и стоять, как **людей избивают** — это не нормально, и надо было что-то хотя бы сделать.

Когда я сидел, то возникали мысли: если будет свобода, то уеду и не вернусь. Когда я был освобожден [под подписку о невыезде], мои адвокаты и я рассчитывали на то, что дело в течение ближайших недель прекратят, все будет хорошо. Но, как потом выяснилось, никто этого делать не планировал. И более того, начались новые следственные действия, были предъявлены новые обвинения, начались новые задержания других фигурантов.

Все пахло жареным, вот я и принял решение, что лучше уехать, что не стоит рассчитывать на справедливое разбирательство. Ведь есть шанс оказаться в заключении на год, два, три, поэтому лучше сбежать. Конечно, я нарушил условия подписки. Конечно, меня могли вернуть в СИЗО. Но я рискнул.

Я действительно не хотел уезжать до последнего момента. Я ждал, что дело переквалифицируют, может, хотя бы административка. Ну ведь все же понимали абсурдность происходящего. У следователя был всегда один аргумент: «Я делаю свою работу». Вот он делает свою работу, а эта машина дальше едет и ломает судьбы людские.

Айдар Губайдулин с плакатом в поддержку программиста Константина Котова / Фото со страницы Наталии Деминой в фейсбуке

Я уехал в Литву. Мне просто сказали, что есть такой вариант, что мне помогут добраться и устроиться, так что, по сути, я ничего не выбирал. С документами было несложно разобраться. Это же очевидный кейс, есть публикации в СМИ, есть материалы уголовного дела, где черным по белому написано, что я сделал, в чем меня обвиняют. Понятно, что в любой нормальной стране, где рассматривают кейсы по политическому убежищу, для них это все очевидно.

Я подался на убежище в конце ноября, сейчас жду решения. Ждать до шести месяцев. В Литве это быстро достаточно. В других странах Европы — это год или два.

Я не могу сказать, что я интегрировался в среду. У меня удаленная работа, которую я нашел в начале декабря, сижу дома. Тем более, в связи с вирусом — все сидят дома, тут тоже строгие правила, выхожу только в магазин.

До пандемии иногда виделся с людьми и политическими эмигрантами из России, которые уехали из-за Крыма и событий Болотной площади. А так я живу очень домашней жизнью.

Если говорить о моей жизни до летних событий, я не был особо активным. Ходил в офис пять дней в неделю, встречался иногда с друзьями, ходил на тренировки. После того, как меня отпустили [из СИЗО], я опять начал ходить на работу. Потом взял отпуск, начал активно ходить на пикеты, судебные заседания, мероприятия. Это были самые насыщенные недели в моей жизни, никогда не было столько общения и событий. А потом я уехал. У меня сейчас довольно овощная жизнь.

После освобождения я делал правки по сайту для «Арестантов 212» (кампания поддержки фигурантов «московского дела» — ОВД-Инфо), я состою в активной группе. Интерес к России не пропал, слежу за новостями и событиями. Чтобы ни случилось, я буду ждать решения по убежищу, буду ждать, попал ли я под амнистию или нет. Даже если попаду, то поживу в Литве, попутешествую. И да, я бы хотел вернуться в Россию, не хватает мне общения с людьми, с единомышленниками, которые разделяют мои взгляды.

ПАВЕЛ ЕЛИЗАРОВ

*Участник событий на Болотной площади в 2012 году.
На этой акции и был задержан, затем стал получать*

повестки в Следственный комитет. Один из создателей сайта «Болотное дело».

Павел Елизаров / Фото: Екатерина Пономарева

Я уехал из России в 2012 году из-за «Болотного дела». Тогда я был активистом [демократического движения] «Солидарность» и [партии] «Парнас». Активно во всем участвовал, был одним из организаторов митинга на Чистых Прудах [5 декабря 2011 года]. На нем меня

задержали, арестовали на неделю. На Болотке меня тоже задержали, даже побили при задержании, отвезли тогда в травму прям из отдела полиции. Но потом как-то всё успокоилось. Даже не знал, было обвинение [по уголовному делу] или нет.

Я путешествовал, сестра мне написала, что пришли с обыском полицейские и искали меня. Тогда еще никто не знал про «Болотное дело», тогда была первая волна. Поэтому я и вернулся, не зная, что это чем-то серьезным мне грозит.

Когда я вернулся, уже стало известно об обысках у [Ксении] Собчак, когда искали [Илью] Яшина (из-за якобы спровоцированных столкновений с полицией на Болотной площади при разгоне «Марша миллионов» — *ОВД-Инфо*). Поэтому я не жил у себя в квартире, но ходил на работу. Уже стало понятно, что это серьезное большое дело против активистов, пришла повестка [в Следственный комитет], стали появляться полицейские. Тогда я понял, что все плохо, и уехал в Беларусь через Украину.

Как раз в это время похитили Развозжаева из Киева, увезли в Москву (Леонид Развозжаев — фигурант «Болотного дела», после эмиграции в Украину его доставили в Москву и арестовали — *ОВД-Инфо*), тогда был Янукович у власти, небезопасно было в Украине.

Я тогда был одним из создателей сайта «болотка.инфо» (на нем собиралась информация об узниках Болотного дела — *ОВД-Инфо*). Следователи у многих про меня спрашивали, кто это такой, почему он это делает. Им не нравилось, что на сайте их имена фигурируют.

Формально я не был в розыске, повестки мне приходили как свидетелю. Но тогда была такая практика: привозят человека на допрос в Следственный комитет в качестве

свидетеля, по ходу ареста делают подозреваемым. По сайту розыска я проверял — меня там не было. Тогда я решил уехать в Мозамбик. Выбрал эту страну, потому что очень хотелось поездить по Африке, там были перспективы в плане бизнеса, там были инвестиции, нашли газ, экономика была не развита. Я сделал там свою маленькую компанию по сайту, дела шли нормально. Но документов нормальных я не смог получить там, так как многое держится на взятках, а мне это не подходит, ненавижу всю историю про взятки.

В тот период Евросоюз начал активно помогать узникам «болотки». Тогда я решил уехать в Португалию, в нее несложно было получить визу. Там были хорошие условия: пока ждешь решения по убежищу, дают вид на жительство, можно работать. В Мозамбике я более-менее начал говорить на португальском, я уже знал испанский, поэтому язык у меня уже был.

Конечно, с переездом жизнь сильно поменялась. Я жил в Москве 27 лет, а тут взял и уехал. Новая страна, иная культура. Но травмы у меня от этого нет.

Мне не хватает культурной жизни, Москва по размеру — как вся Португалия. В Москве у меня была налажена и культурная, и политическая жизнь. В плане работы ничего особо не поменялось, жизнь айтишников во всех странах похожа. Здесь, в Португалии, у меня есть ощущение свободы и безопасности, можно идти по улице ночью и не бояться полицейских. В России у меня были неприятные случаи на пустом месте — например, проверка документов превращается в задержание. Люди тут более свободные, приятно пройтись по улицам, нет дурацких запретов, люди раскованно себя ведут. Да, иногда мне хочется вернуться в Россию, но тогда я потеряю право на убежище в Португалии, по закону так.

Я продолжаю следить за ситуацией в России, помогал сайту «Арестантов 212». Еще сейчас помогаю

европейскому фонду Бориса Немцова, езжу на форум Немцова, который проходит каждую осень.

Стоит отметить, что с 2012 года начало образовываться сообщество политических эмигрантов. Сейчас оно выглядит уверенно, снизу начинают появляться фонды, организации в разных странах, которые влияют на жизнь в России отсюда.

ИЛЬЯ КАПУСТИН

*Свидетель по уголовному делу **о террористическом сообществе «Сеть»**. 25 января 2018 года в Петербурге Капустина похитили сотрудники ФСБ, избили и затащили в микроавтобус. Его пытали электрошокером, задавая вопросы о разных людях и о движении анархистов.*

Илья Капустин / Фото: Юлия Лисняк

Я подвергся пыткам со стороны сотрудников ФСБ, потом предал это огласке. Начал беспокоиться, что сотрудники могут как-то неадекватно на это реагировать и пытаться отомстить — возможно, привлечь меня к существующему

делу или выдумать какое-то еще. Поэтому я понял, что безопаснее мне будет уехать в другую страну. Все это было в январе 2018-го. Я сделал визу. Как только она была готова, на следующий же день я уехал из России в Финляндию.

Я был в статусе свидетеля, до сих пор в нем. Были, конечно, некоторые опасения, что они могут как-то захотеть ограничить мое передвижение, но законных оснований для этого не было. Поэтому я решил не тянуть и уехать как можно быстрее.

Как только я приехал в Хельсинки, то пошел в полицейский участок, сказал, что мне нужно убежище, потому что на родине спецслужбы совсем оборзели и жить не дают. После этого отправили меня в транзитный лагерь внутри города.

Предполагается, что туда прибывают люди, которые только запросили убежище, а там они ожидают собеседования в миграционной службе. Лагерь — это не палатки под открытым небом, а обычное общежитие. Это место не рассчитано на долгое пребывание. У меня была комната восемь метров на двух-трех человек. Обычно там люди ждут собеседования около месяца, может быть, два. Я ждал полгода — возможно, они подумали, что мне нужно отдохнуть после России.

Потом начались собеседования. Было две встречи, на них изложил суть вопроса. У меня были документы, которые подтверждали подлинность истории. После этого вернули в лагерь долгосрочного пребывания. Всем положено жить в лагере, но меня отправили именно в лагерь в Хельсинки, потому что я учился и работал.

Тот лагерь, где я начал жить, отличался от транзитного. Там люди живут годами. Иногда создавалось некоторое напряжение, когда все в одном пространстве с другими людьми. Не скажу, что у меня были проблемы, немножко

иногда доставало. Например, не во всех же странах есть централизованный сбор мусора, иногда они выбрасывали из окошка, это свою атмосферу создавало. Там я познакомился с разными людьми, с разными историями, с разной судьбой. Беженцы были в лагерях отовсюду: из Колумбии, из Индии, с Ближнего Востока, из Африки.

Следы от ударов электрошокером, 2018 год / Фото предоставлено «Медиазоне» адвокатом Капустина

Мне выдали вид на жительство на том основании, что мне угрожает опасность на родине. Я перебрался на съемную квартиру. У меня есть возможность жить на съемной квартире, потому что государство может оплачивать жилье и на базовые потребности дают, что важно. На днях подал заявление в университет. Я поступаю на 3D-дизайн.

За два года я уже начал понимать финский, в течение этих двух лет было довольно сложно взаимодействовать с людьми. Я знал английский на каком-то уровне, и сейчас мои языковые познания не позволяют общаться на серьезные темы. Не могу сказать, что у меня большой круг общения среди местного населения, не чувствую отторжения к себе, но чтобы близкие отношения

поддерживать, нужно глубоко выражать свои мысли.
Думаю, со временем это все придет.

Тут есть определенное количество мигрантов из России, с кем-то я поддерживаю связь. В целом, мой круг общения и его плотность меньше, чем в России. Мне, конечно, не хватает друзей и родственников. В плане вещей нет ничего такого, а людей да, не хватает.

Есть много вещей, которые мне нравятся в жизни Финляндии, которые круто организованы. Тут по сравнению с жизнью в России все очень расслабленно, и чувствуешь себя будто на курорте постоянно. По сути, можно ни о чем не беспокоиться — ни о безопасности, ни о том, что ты окажешься на улице без еды и воды. Тут нельзя такого представить. У этого есть обратная сторона, что нужно уметь себя мотивировать делать что-то. Тут все для людей и про людей, много общественных благ.

На данный момент я воспринимаю Финляндию как свой дом, мне тут комфортно, уютно. Недавно ездил в Германию и ощущал себя за границей. Когда я вернулся, то понял, что я наконец-то дома.

UPD: добавлены уточнения в рассказ Ильи Капустина